

УДК 811 161 1'271

О.Б. Сиротинина*

ДИНАМИЗМ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье доказывается увеличение скорости изменения речи в XXI в. под действием разнонаправленных тенденций и роль в этом СМИ и Интернета. Определена и показана роль тенденции к точности информации и тенденции к экономии речевых усилий, которая в XXI в. побеждает. Это вызывает тревогу за судьбу русского языка из-за усиливающегося влияния СМИ и интернет-общения на массы, выявлены процессы диффузии значений слов, приводящих к обеднению лексической системы, усиление неопределенности сообщений в СМИ во избежание судебных рисков. Многолетний мониторинг нескольких центральных газет и новостных теле- и радиопередач разных каналов и станций позволил проследить соотношение нормативных и ненормативных употреблений ряда лексем (*нелицеприятный* – *неприятный*, *довольно* – *достаточно*) в качестве интенсификатора признака *сходный* – *похожий* – *подобный* – *схожий* и т. д.

Ключевые слова: СМИ, Интернет, скорость изменения, тенденции, судьба языка.

Общеизвестный факт – любой язык живет, пока живет народ, который общается с его помощью. Жизнь языка – это постоянное и непрерывное обогащение его системы: появление новых слов, развитие новых значений, появление новых способов словообразования, усложнение структуры предложения, формирование все новых и новых вспомогательных компонентов предложения и дискурса в целом.

Развитие системы языка происходит в результате изменений в речи говорящих на этом языке [1], идущих в результате действия в процессе коммуникации противоположно направленных тенденций: к точности передаваемой с помощью языка информации и к экономии умственных и речевых усилий, причем прежде всего самого адресанта [2]. Тенденция заботы об адресате, к сожалению, работает не у всех и не всегда, что порождает огромную реальную рискогенность любой современной коммуникации [3].

* © Сиротинина О.Б., 2016

Сиротинина Ольга Борисовна (skunak@mail.ru), кафедра русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11.

В прошлом процессы изменений в речи шли медленно. Как показывают факты их отражения в письменных памятниках — веками. Причинами этого были затрудненность, часто даже невозможность, общения на больших расстояниях (отсюда формирование диалектных различий), очень большая роль соблюдения традиций. Появление письменности, а еще в большей степени книгопечатания, развитие торговых отношений с соседними, а потом и не только с соседними странами динамизм процессов ускоряли, но на пути ускорения вставало обучение с его опорой на выдающиеся факты речи в неустаревающих произведениях художественной литературы.

С развитием техники исчезает ограничительная роль расстояний (радио остановило формирование диалектных различий), телевидение и особенно Интернет нивелировали роль художественной литературы и даже печатных СМИ — газет. В результате процессы изменений, как показывает мой мониторинг, ускорились за последнее время просто невероятно [2; 4].

Особенно быстро меняется лексическая система, и хорошо, если в сторону ее обогащения (новые реалии получают свою номинацию, появление новых синонимов увеличивает возможности точно выражать свои мысли), но часто это результат ускоренного внедрения моды, ведущего к обеднению системы, ее засорению ненужными для успешной коммуникации заимствованиями из английского языка, профессиональных сленгов и даже криминального жаргона.

К сожалению, в новых условиях жизни уже не столько непосредственное общение или опосредованное через книгу, газету, требующих временных и умственных затрат, сколько жизнь «в компьютере» или «с гаджетом» во много-много раз усиливает работу очень опасной тенденции к максимальной экономии всего: денег, времени, усилий. Не надо ничего помнить (под рукой любые поисковики Интернета), не надо ни во что вникать (читать, размышлять) — мышление заменяется клиповым сознанием и реактивностью ответа. К сожалению, это не старческое неприятие нового, а беспокоящий и психологов, и медиков, и педагогов факт, грозящий гибелью человечества. А прежде всего это сказывается на судьбе того, что отличает его от животного мира — многоуровневой системы языка, позволяющей не только мыслить, но и передавать результаты этого процесса другим, и не только в данный момент и в данном месте.

Страдает точность передаваемой информации, а она зависит и от адресанта, и от адресата, их способности понимать, обусловленной во многом компетентностью, жизненным опытом, знанием истории, литературы и языка.

Возможности коммуникации стали просто сказочными (не важны расстояния, все мгновенно), но исчезает главное: адекватность понимания из-за кажущейся легкости информирования. Ограничительная роль законов нередко не действует, вызывает только желание их обойти или ради избежания судебной ответственности пожертвовать точностью. К тому же в современной коммуникации, например в новостных текстах, большую роль играет опора на картинку [5–7].

Приведем несколько конкретных примеров негативных процессов под действием стремления к экономии и неумения или нежелания заботиться о восприятии адресатом передаваемой информации.

Можно согласиться с целесообразностью пополнения словообразовательных средств русского языка суффиксом *-инг* из английского для образования отглагольных существительных. Часто это заимствованные слова (*боулинг*, *краудфандинг*), иногда с новым — понадобившимся в новых условиях жизни значением (*коворкинг* не ‘совместная работа’, а ‘частная или муниципальная организация, обеспечивающая совместную аренду места с компьютером и выходом в Интернет для малого бизнеса’), но есть и новообразования (*зацепинг* и *зацепер*, а не *зацепщик*). Оппозиционные СМИ использовали этот суффикс даже при образовании слов от имен собственных (*путинг*, *пехтинг*, *маргелинг*), как обобщение 2–3 фактов, что вряд ли встраивается в систему вообще.

Если при этом нет объяснений, а к тому же ориентация на произношение (часто искаженное, как *ковортинг*), а не на транслитерацию, то затрудняется обращение к англо-русским словарям и многое в современных СМИ становится просто непонятным.

Так ли уж необходимо введение в лексическую систему русского языка ставшего даже модным (и как явление, и как его номинация) заимствованного *краудфандинг* при наличии русского обозначения *народное финансирование* или даже более понятного и системного *народный фонд* — точно соотносимого с заимствованной номинацией? Или использование в газетном заголовке ставшее теперь уже модным, а в момент своего первого употребления («Любовь уходит в бан») понятное только привыкшей уже к интернет-сленгу молодежи не в словарном значении этого английского слова ('запрет'), а в сленговом 'безвозвратный конец'?

И подобных примеров так много (см. [8; 9]), что, по словам одного филолога, «читать газеты без знания английского языка (и компьютерного сленга. — О.С.) уже невозможно». Буквально в каждом номере многих газет, в том числе «Российской газеты», кроме выше названных встречаем *саспенс*, *краудсорсинг*, *скрины* и *скрининг*, *пранкер* и т. д. Вновь стало встречаться *тинейджер*, фактически господствовавшее в 90-е годы, но потом вытесненное вернувшимся *подросток*. Не называю уже полностью вошедшие в современный узус *риелтор*, *менеджер*, *менеджмент*, *офис*, *офисный*. Обращает на себя внимание, что при давно адаптированной в русской речи транслитерированной *консультация*, как показали звонки в «Службу русского языка» на ВГТРК-Саратов, непонятны рядовым носителям русского языка *консалтинговые услуги*, *фирмы*, ориентированные на произношение. Конечно, заимствовать готовое слово проще, чем искать подходящее среди множества своих или создавать совсем новое обозначение, но в любом случае все новое или измененное по значению необходимо для адресата объяснять, что далеко не всегда делается.

Такие же проблемы возникают у адресата при встрече с неизвестным заимствованием из нелитературных страт русского языка. Новые условия жизни обусловили фактическое проникновение в юридическую терминологию из криминального жаргона слов *наезды*, *разборки*, *стрелка* и даже *авторитеты*, *вор в законе*, используемых уже не только как сленгизмы следователями, но и в приговорах, тем более в СМИ.

Именно неправильная ориентация СМИ 90-х годов на речь масс привела к наводнению речи просторечием и диалектизмами, чему способствовал и приход в СМИ в качестве журналистов людей без филологической подготовки. Был выпущен на свободу мат, и, хотя он уже второй десяток лет запрещен законом к использованию в общественных местах, тем более в СМИ, загнать его снова «в бутылку» так и не удалось. Несмотря на законы, запрещающие оскорбления, унижение, грубую лексику, все это встречается даже в газетах, а грубые словечки типа *фигово*, *фиг с ним*, *на хрена* и печатаются, и звучат постоянно. Произошло явное огрубление речи.

И если еще недавно (в 2012–2013 гг.) стала было наблюдаться «волна» самоочищения СМИ, то с 2015 года вновь дала себя знать захватившая под влиянием спонтанной речи в политических ток-шоу с такими эмоциями полемика, что участники перестают себя контролировать: не только сплошной одновременный крик, но и забвение элементарных норм («волна» деструкции: *приедьте*, *поедьте* звучит постоянно).

В результате неправомерное *достаточно* в качестве усилителя признака или действия вновь вытесняет возродившееся *довольно* (*достаточно равнодушные родители*, *достаточно низкая зарплата*), подобное употребление (*достаточно* нормативно только в функции предиката и всегда с хотя бы подразумеваемым *для чего*) и просторечное *схожий* (еще в 2015 г. в моем мониторинге СМИ встречавшееся только в речи людей с низким уровнем речевой культуры) в 2016 г. слышны и читаются ежедневно: *схожие ситуации*, *намерения*, *пожелания*, *явления*, *черты* и т. д., вытеснившие не только *сходные* (уже давно), но и *похожие*, господствовавшие еще в декабре 2015 года.

И неправомерные *достаточно*, и просторечные *схожий*, *схожесть* (в «Большом универсальном словаре» [10] получившие уже помету *разговорное* из-за своей распространенности) встречаются даже в статьях лингвистов и авторефератах диссертаций.

Не думаю, что лексическая система обогащается и за счет все усиливающегося процесса диффузии значений и в других случаях: усилитель *крайне* в 2016 г. стал употребляться не только при обозначении чего-то вредного, опасного (представление о крае допустимого), но и в сочетаниях *крайне полезно*, *крайне хорошо*, *крайне плодотворно*, а к давно уже узуальным *ужасно весело*, *страшно красив* добавились явно нарушающие логичность *сильно ослаб* из-за уже состоявшейся диффузии *сильно* и близкой к этому *больно* (в отличие от пометы «Активного словаря» [11] уже не только в негативном значении (не только *больно много*, *больно надо*, но и *больно хорошо*).

Надеюсь, что эти факты останутся в индивидуальной речи, а не станут узуальными. Так же, как противоположный наблюдаемый сейчас процесс: наряду с максимально диффузными признаками типа *продвинутый* (может быть и *человек*, и *автомобиль*, и *поступок*) все чаще стало проявляться стремление к оригинальности выражения (*дико довольные*, *безумно яркие*, *исключительно добрые*, *обильно демонстрированные* и т. д.). Во всех употреблениях точность страдает, а потому они только негативно влияют на речь, а их проникновение на правах моды в узус грозит обеднением языка.

Не менее опасна распространившаяся тенденция к неопределенности информации во избежание судебных исков. В синтаксисе это становящееся модным использование неопределенно-личных предложений: *считают*, *думают*, *утверждают*, с чем-либо *борются* без указания *кто*. Второй способ намеренного создания неопределенности — не прямое называние лиц, а более обобщенное: *эксперты*, *журналисты*, *чиновники*, *депутаты* нередко именно как нечто целостное, хотя далеко не всегда и во всем одинаково думающих и действующих людей (*банковская элита*, *Сбербанк*, *Газпром*, *Администрация президента*, *Госдума* и т. д.) без указаний конкретных ФИО, иногда имея в виду нечто авторитетное, в оппозиционных текстах часто в качестве объекта осуждения, разоблачения. Причина этого понятна, но информационная суть таких текстов исчезает: *Рассматривался вопрос...*, *В правительстве состоялось обсуждение ... и что?* Информационная функция СМИ фактически утрачивается, остаются только ее имитация и воздействие. Подробнее об этом см. [3, с. 45–47; 12].

Конечно, в статье представлены далеко не все процессы, наблюдаемые в современной русской речи. Есть и процессы «воскрешения» устаревшего (*сугубо*, *нелицеприятный*), и увлечение книжными усилителями (явный рост употребления *абсолютно*, *принципиально*, *чрезвычайно*, *максимально*) одновременно с ростом разговорных *больно*, *ужасно*, попытками возврата господствовавших в 90-е годы уродливых *по новой* и *аккурат*.

Главная мысль статьи — на речь в современной коммуникации очень влияют СМИ и Интернет. Первые воспринимаются массами как эталон правильной речи, и отсюда сознательная на них ориентация, а вместе с интернет-коммуникацией (и тем более сидением в Интернете), воспринимаемыми даже неосознанно как реальный узус, они ускоряют изменения речи масс, а она влияет на речь в СМИ и тем более в интернет-коммуникации, и образуется замкнутый круг, что вызывает уже тревогу за судьбу языка. И если в 2007 г. я считала, что судьба русского языка зависит только от нас, россиян [13], то теперь начинаю думать, что в очень большой степени она зависит от СМИ и коммуникации через Интернет.

Библиографический список

1. Николаева Т.М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.
2. Сиротинина О.Б., Матяшевская А.И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуника-

тивная практика / под ред. А.П. Сквородникова. 2016. № 1. С. 150–164. URL: www.ecoling.sfu-kras.ru.

3. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

4. Сиротинина О.Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

5. *Advances in Spoken Discourse Analysis* / edited by Malcolm Coulthard. L.; N. Y., 1999. 266 p.

6. Ryazanova-Clarke L., Wade T. *The Russian Language Today*. L.; N. Y., 1999. 369 p.

7. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

8. Куликова Г.С. Способы предупреждения рисков непонимания новых заимствований // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 76–84.

9. Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 5–14.

10. Большой универсальный словарь русского языка / сост. В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая; под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века. Аст-ПРЕСС Школа, 2016. 1456 с.

11. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.

12. Кормилицына М.А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 38–45.

13. Сиротинина О.Б. От кого зависит судьба русского языка // *Русская речь*. 2007. № 1. С. 44–50.

References

1. Nikolaeva T.M. *O «lingvistike rechi» (v chastnosti, o mezhdometii)* [On the issue of “linguistics of speech” (in particular, of the interjections)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics], 2015, no. 4, pp. 7–20 [in Russian].

2. Sirotnina O.B., Matyashetskaja A.I. *K chemu mozhet privesti stremlenie k ekonomii rechevykh usilii v kommunikatsii na russkom iazyke?* [Effortless speech and its impact on the Russian language]. *Ekologija iazyka i kommunikativnaia praktika. Pod red. A.P. Skovorodnikova* [Linguistic ecology and communicative practice. A.P. Skovorodnikov (Ed.)]. E-edition, 2016, no. 1, pp. 150–164. Retrieved from: www.ecoling.sfu-kras.ru [in Russian].

3. Baikulova A.N., Viktorova E.Yu. [et al.] *Riskogenost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii. Pod red. O.B. Sirotninnoi i M.A. Kormilitsynoi* [Riskogenics of present-day communication and the role of communicative competence in its overcoming]: O.B. Sirotnina, M.A. Kormilitsyna (Eds.). *Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2015, 188 p.* [in Russian].

4. Sirotnina O.B. «Volny» izmenenii v funkcionirovanii russkogo iazyka [«Waves» of change in the Russian language]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. *Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2015, issue 15, pp. 4–23* [in Russian].

5. *Advances in Spoken Discourse Analysis*. Edited by Malcolm Coulthard. London–New York, 1999, 266 p. [in English].

6. Ryazanova-Clarke L., Wade T. *The Russian Language Today*. London–New York, 1999, 369 p. [in English].

7. Van Dijk T.A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. Izd. 2-e* [Language. Cognition. Communication. 2nd edition]. M.: LENDAND, 2015, 320 p. [in Russian].

8. Kulikova G.S. *Sposoby preduprezhdeniia riskov neponimaniia novykh zaimstvovanii* [Ways to prevent misunderstanding of new loan words]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. *Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2014, issue 14, pp. 76–84* [in Russian].

9. Sirotinina O.B. *Bor'ba s riskogennost'iu obshcheniia kak odna iz problem rechevedeniia* [The prevention of communication riskogenics as an issue of speech studies]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2014, issue 14, pp. 5–14 [in Russian].

10. Morkovkin V.V., Bogachev G.F., Lutsкая N.M. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo iazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language. V.M. Markovkin (Ed.)]. M.: Slovarei XXI veka. Ast-PRESS Shkola, 2016, 1456 p. [in Russian].

11. *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka. Otv. red. Iu.D. Apresjan. T. I.* [Active Dictionary of the Russian language. Ju.D. Apresjan. Vol. I]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 408 p. [in Russian].

12. Kormilitsyna M.A. *O nekotorykh sintaksicheskikh kharakteristikakh «postnovoiaz» na stranitsakh sovremennoi pressy* [Some syntactic characteristics of “postnewspeak” in the modern press]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2009, issue 9, pp. 38–45 [in Russian].

13. Sirotinina O.B. *Ot kogo zavisit sud'ba russkogo iazyka* [Who is responsible for the Russian language]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2007, no. 1, pp. 44–50 [in Russian].

O.B. Sirotinina*

DYNAMICS OF THE PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN SPEECH

The article identifies the increase in the speed of speech changes in the XXI century due to the influence of divergent trends and investigates the role of the media and the Internet in these processes. The paper explores the role of information accuracy trend and the tendency of effortless speech which is the sign of XXI century. The profound influence of media and Internet communication on people makes linguists concerned for the destiny of the Russian language. The paper reveals the diffusion of word meanings; the result is the impoverishment of the lexical system and multiple uncertainty messages in the media aimed to avoid prosecution. The article describes the results of long-term monitoring of several major newspapers and news broadcasts and different channels and radio stations. Thus, the author assesses the ratio of literal and non-literal usage of some words (*нелицеприятный – неприятный, довольно – достаточно*) as an intensifier, and words like *сходный – похожий – подобный – схожий* and so on.

Key words: media, Internet, rate of change, main trends, destiny of the language.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* *Sirotinina Olga Borisovna* (skunak@mail.ru), Department of the Russian Language and Speech Communication, National Research Saratov State University, building 11, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.